

Опубликовано: *Богачева М.В.* Географические термины как средство освоения пространства // Вестник Пермского университета / Перм. ун-т. Пермь, 2006. Вып. 3. С. 20-30. Сер. «Филология».

Богачева М.В.

Пермский университет

Географические термины как средство освоения пространства*

В статье рассматриваются вопросы лингвистического краеведения, диалектологии, исторической лексикологии, ономастики. Исследуются географические термины (ГТ), отраженные в ойконимии Пермского края, как средство освоения пространства.

Реконструированные на базе ойконимов ГТ изучены в лексическом, семантическом, морфемном, лингвогеографическом и др. аспектах. Привлечен большой иллюстративный материал.

Выявлено, что от ГТ образовано большое количество (около 15 %, т.е. около 1500) ойконимов, в частности благодаря разнообразию лексики. По преимуществу это лексика, называющая объекты, значимые в хозяйственной деятельности человека.

Описание жизненного пространства детально, чему способствует, например, большое количество синонимичных понятий, среди которых, однако, отсутствуют абсолютно тождественные. Формированию системы служили средства всех уровней языка.

Местный ландшафт описан преимущественно диалектной лексикой. Часть слов сохранилась только в топонимах.

Известна высокая степень информативности имен собственных. На их основе извлекаются сведения лингвистического плана: при изучении особенностей фонетики, словообразования, формантной системы, сферы функционирования онома, семантики их производящих основ. Максимально расширяя понимание контекста (принимая имя собственное как отражение дискурса номинаторов), учитывая все возможные экстралингвистические факторы, мы получаем возможность так или иначе интерпретировать факты языка и почерпнуть из онома сведения исторические, этнографические, культурологические и др. Это делает имена собственные крайне привлекательным объектом изучения, причем не только чисто языковедческих, но и междисциплинарных исследований гуманитарного направления.

Обеспечивает это их качество особое положение онимов, поскольку они совмещают индивидуальное (являясь *собственными* наименованиями) и типичное (подчиняясь определенным закономерностям образования), частное (называя единичные в своем роде предметы) и общее (восходя в языке-источнике к именам нарицательным). Вследствие этого мы рассматриваем онимы как немаловажную часть культурного пространства (часть

* Исследование выполнено при финансовой поддержке АБЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (РНП.2.1.3.3440), РГНФ (грант № 05-04-82400 ^а/У, № 06-04-82406 ^а/У).

так называемой «языковой картины мира»), созданного народом-номинатором. В них находят отражение и особенности данной языковой системы, и социальные условия, сопутствующие номинации, и различные индивидуальные проявления имядателей, и т.д. По апеллятивам, легшим в основу того или иного собственного имени, можно судить о степени освоенности определенного отрезка пространственно-временного континуума.

Десятки лингвистов обращались к изучению онимов как носителей этнокультурной информации, среди них А.С.Герд, А.Ф.Журавлев, В.М.Мокиенко, С.Е.Никитина, С.М.Толстая, Н.И.Толстой, А.Л.Топорков, В.Н.Топоров, Б.А.Успенский, О.А.Черепанова и мн.др. Цель настоящей (частного характера) работы мы видим в следующем: проанализировать в зеркале топонимов Пермского края специфику освоения русским этносом пространственного континуума, отраженную в географической терминологии.

Для достижения цели логичным видится обращение именно к топонимам, главенствующая функция которых – обозначить (актуализировать в жизненном пространстве) географический объект. В силу же того, что данные онимы изначально имеют пространственную привязку, в них очень часто отражаются особенности сопредельных топографических локусов.

Иными словами, при выборе материала мы учитывали структурность информации, транслируемой лексическими единицами. «...выделяются базовые и небазовые (маргинальные) смысловые зоны, – пишет этнолингвист Е.Л.Березович. – Базовая информация определяется референтной спецификой самого канала (передачи этнолингвистической информации). Допустим, для топонимии базовыми являются представления об окружающем ландшафте, для антропонимии – о человеке и коллективах людей, для лирических песен – о межличностных отношениях и т.п.» (Березович 2000: 25). При этом «топонимия, например, может эксплицировать информацию, связанную с социальной структурой общества, межличностными отношениями, выражающую представления о сверхъестественном и т.п. Однако, воплощая представления о нечистой силе, топонимия не может претендовать на ту степень полноты, с которой соответствующие воззрения отражены, допустим, в быличках и преданиях» (Там же: 26).

В качестве источника материала для исследования взяты данные ойконимии (совокупности названий населенных пунктов) Пермского края (см. наиболее полный справочник: Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск, 1928. Верхнекамский округ. Кунгурский округ. Пермский округ. Сарапульский округ). Материалом для изучения являются реконструируемые на базе онимов апеллятивы одной тематической группы – «Географические термины» (ГТ).

Выбор данной группы определяется несколькими причинами: 1) ГТ достаточно мно-

гочисленны: такие лексемы реконструируются на основе приблизительно 15 % (\approx 1500) ойконимов Пермского края (общее количество ойконимов – около 18 000, с учетом вариативности по категории рода, повторяемости и т.п. – около 10 000).; 2) ГТ обычно попадали в ойконимию без формантов, что облегчает их выявление; 3) ГТ, в отличие от прозвищных лексем, крайне редко метафоричны, что способствует более точному определению семантики; 4) ГТ (будучи терминами) более устойчивы, нежели остальные имена нарицательные; 5) именно ГТ непосредственно отражают процессы освоения окружающего пространства.

Вслед за Е.Н.Поляковой, исследующей ГТ пермских памятников письменности и современных пермских говоров, под лексикой изучаемой тематической группы понимается «слово (обычно имя существительное) или словосочетание, используемое для называния природного объекта, имеющего четкие территориальные границы, обычно отличающегося от окружающих объектов» (ГТПП: 10). В настоящем случае рассматриваются две основные группы ГТ: 1) топографические слова, обозначающие природные объекты (например, *болото, ивняг, гремяча, яр*), 2) названия угодий, которые также имеют относительно постоянные границы и отличаются от окружающих объектов, но используются человеком в хозяйственных целях, нередко созданы искусственно (например, *делянка, плотбище, сечище, пашня*).

ГТ анализируются в целом ряде аспектов. Прежде всего, они рассматриваются как языковые явления (в соответствии с теми или иными подсистемами структуры языка): в аспекте лексическом (п. 1), семантическом (пп. 2, 3), фонетическом (п. 5), морфемном (п. 6), словообразовательном (п. 7), морфологическом (п. 8), синтаксическом (п. 9). Помимо этого, затрагиваются те аспекты, которые в значительной степени обеспечивают специфику исследуемых ГТ: их этимология (п. 4), сфера употребления (п. 10), частотность (п. 11), активность / пассивность в речи (п. 12).

1. Тематическая группа «Географические термины» в аспекте лексической наполненности

Даная тематическая группа весьма многочисленна и разнообразна. Выделены следующие группы ГТ:

1) названия леса, участков леса: *Борина* < *борина ‘лес на возвышенности’ (СПГ: I, 49)¹; *Дуброва, Дуброва Бор* < *дуброва ‘сухой участок, поросший хорошим смешанным лесом’ (Полякова 1988: 76-77); *Пурга* < *пурга ‘глухой, непроходимый лес’ (Полякова 1988: 139);

¹ Иллюстрации содержат следующие элементы: 1) ойконим, выделенный курсивом, 2) слово (слова), опосредующее (опосредующие) проникновение апеллятива в ойконимию, 3) за знаком звездочки «*» реконструированная лексема. Примеры включают гипотетически определяемую дефиницию.

2) названия участков, поросших определенным видом растительности: *Губник* < *губник ‘место, где растут грибы, грибной лес’ (Полякова 1988: 75); *Ивняги* < *ивняг ‘ивняк’; *Красноборова* < *красный бор ‘сосновый лес’ (Полякова 1972 б: 17);

3) названия открытых участков в лесу: *Кругляшка* < *кругляшка ‘лесная полянка’ (СРНГ: XV, 302); *Красная Поляна*, *Ясная Поляна* < *поляна;

4) названия участков леса, выгоревших, выкорчеванных или вырубленных: *Выгорки* < *выгорки ‘место лесного пожара’ (СПГ: I, 134); *Вылом* ‘участок, на котором лес повалило бурей’, ‘участок, расчищенный от леса с хозяйственными целями’ (Полякова 1988: 67); *Большой Дровосек*, *Малый Дровосек*, *Старый Дровосек* < *дровосек ‘место в лесу, где заготавливаются дрова’;

5) названия дорог, просек: *Матица* < *матица ‘дорога в лесу, по которой вывозили лес из мест порубок’ (Полякова 1988: 108); *Переволока* < *переволока ‘дорога через большой глухой лес’ (Полякова 1988: 124);

6) названия безлесных участков: *Большое Поле*, *Дальнее Поле*, *Тимино Поле*, *Федотово Поле*, *На Нерослом Поле* < *поле ‘обширное ровное угодье, поросшее травами’, ‘засеянный или предназначенный для посева участок земли’ (Полякова 1988: 131-132); *Пустош(ь)* < *пустошь ‘заброшенное невозделываемое поле’, ‘место, где нет никакой растительности’ (Полякова 1988: 139-140);

7) названия возвышенностей (гор, пригорков и т.п.): *Вышка* < *вышка ‘гора, более высокая, чем другие горы поблизости’ (Полякова 1988: 69); *Гора*, *Косая Гора*, *Ореховая Гора*, *Пива-Гора*, *Птицина Гора*, *Сычева Гора*, *Горы*, *Большие Горы* и др. < *гора; *Скаты* < *скат ‘наклонная поверхность, спуск с горы’ (Сл XI-XVII: XXIV, 181; Полякова 1988: 149-150);

8) названия оврагов, логов, низменных мест: *Корчага* < *корчага ‘круглая яма, котловина’ (СРНГ XV: 29); *Ложки* < *ложок ‘уменьшительное к *лог* — низина’ (Панин 1991: 72); *Лоза* < *лоза ‘низкое ровное место, где хорошо растет трава’ (СРНГ: XVII, 111);

9) названия сырых, болотистых мест, болот: *Арай* < *арай ‘сырое низкое кочковатое место на лугу’, ‘заливной луг’, ‘топкий участок болота’, ‘яма естественного происхождения’ (Полякова 1988: 49); *Соленая Грязь*, *Черная Грязь* < *грязь ‘участок с постоянно сырой почвой’ (*соленая грязь* ‘такой участок с большим содержанием соли в почве’);

10) названия водоемов и их частей: *Усть-Каменка* < *каменка ‘речка или ручей с каменным ложем’ (СРНГ: XIII, 18); *Перебор*, *Заячий Перебор* < *перебор ‘мелководный участок русла реки с быстрым течением’, ‘брод через реку’ (Полякова 1988: 123-124); *Ручей* < *ручей;

11) названия островов, мелей: *Коврига* < *коврига ‘островок на реке’ (СРНГ: XIV,

33); *Прорывенский Остров* < *прорывенский остров ‘остров, возникший в результате образования нового русла реки’;

12) названия берегов, их видов, а также местности в окрестностях водоема: *Боец* < *боец ‘береговая скала, на которую направлено сильное течение реки’ (Полякова 1988: 52-53); *Плотбище, Сурнинское Плодбище* < *плотбище ‘место на берегу реки, где складывали и хранили лес’ (Полякова 1991: 143);

13) названия участков местности, указывающие на их форму, особенности почвы и т.п.: *Красики* < *красик ‘участок земной поверхности, покрытый красной глиной’ (Полякова 1988: 95); *Лопата* < *лопата ‘узкий недлинный участок земли’, ‘участок земли, один конец которого расширяется’ (СРНГ: XVII, 132).

Названия чрезвычайно детализированы: наименования указывают на специфику почвы, форму объекта, на особенности его расположения, флоры и т.д.

Классификация отражает тот факт, что выявленные ГТ фиксируют особенности ландшафта, которые значимы в хозяйственной деятельности человека (большая часть ГТ – названия угодий). Характерно, например, что многочисленны названия возвышенностей, но небольших, для наименования значительных возвышений используется лишь одна, причем общерусская, лексема *гора*. Очевидно, это объясняется возможностью использования первых в каких-либо целях, в то время как вторые не значимы для натурального крестьянского хозяйства и важны лишь как ориентир на местности.

2. ГТ с точки зрения внутри- и межсловных связей

ГТ отличаются разнообразием выражаемых ими значений.

Ряд ГТ отражает развитие лексического значения (чаще это метонимический перенос). Структура значения может быть цепочечная (ср.: *бутырки, бутыры* ‘крестьянский двор в стороне от села’ (Полякова 1991: 93) и ‘место, где стоял двор, на отшибе от деревни’ (Полякова 1988: 10) > *Бутырки, Бутыры, Бутыри*), радиальная (ср.: *вылом* ‘участок, на котором лес повалило бурей’, ‘участок, расчищенный от леса с хозяйственными целями’ (Полякова 1988: 67) > *Вылом*), радиально-цепочечная (ср.: *арай* ‘заливной луг’, ‘сырое низкое кочковатое место на лугу’, ‘топкий участок болота’, ‘яма естественного происхождения’ (Полякова 1988: 49) > *Арай*).

Отмечаются словообразовательные варианты, в ряде случаев выступающие как однокоренные синонимы (лишь близкие, но полностью не тождественные по значению слова), в том числе: *березняк – березник, липняк – липняг, осинник – осиновик, пихтовник – пихтарь – пихтовка – пихтовик, сосняк – сосняг; взгорок – згорок – сгорок* (восходят к одному источнику); *кривец – криулина; паль – пальник; переволока – переволочина; песок –*

*песьяна, песьянка*¹; и др. Многочисленны разнокоренные синонимы, например: *гарь* – *пальник*; *городище* – *селище*; *гремяча* – *ручей*; *ключ* – *родник*; *запруд*, *запруда* – *плотина*, *плотинка*; *косогор* – *скат* – *склон* – *увал* – *уклон*; *камень* – *скала* – *утес*; *каравашек* – *челпан* – *шоломень*; *новинка* – *подсека* – *полом* – *сечище* – *сочище* – *чертеж* – *шишимара*; *парма* – *раменье* – *суземок*, *суземье* – *тайга*; и т.д.

В отдельных случаях в отношения синонимии вступают различные по происхождению лексемы, в частности: русское (восточнославянское) *каравашек* и коми *челпан*; русское (восточнославянское) *раменье*, коми *парма*, монгольское *тайга*; тюркское *елань*, прибалтийско-финское *кулига*, русское *поляна*; и др.

Отмечается явление антонимии, ср.: *дуван* ‘высокое открытое место’, ‘высокая безлесная гора, обдуваемая ветрами’ (Полякова 1988: 10) – *парма* ‘возвышенность, покрытая лесом’ (Полякова 1988: 123; Фасмер 1987: III, 208; Мурзаев 1984: 429; СПГ: II, 75); *лог* – *взгорок*, *згорок*, *сгорок*; *корень* ‘исток реки’ – *устье* ‘место впадения водного потока в другой’.

Полагаем, выявленные семантические факты (разветвленная система лексических связей, большое количество синонимов, предельно точно обозначающих ту или иную реалию, привлечение для этого лексики различного происхождения) – свидетельство детального освоения пространства.

3. ГТ в лингвогеографическом аспекте

В ряде случаев данные ономастики позволяют говорить об узкой территориальной закреплённости лексических единиц и, как результат, уточнять наше представление о них.

Рассмотрим названия поселений, восходящие к синонимичным лексемам *ключ* и *родник*. Существует целый ряд ГТ, называющих небольшой водный поток; выбор среди них двух указанных лексем обусловлен такими причинами: 1) лишь *ключ* и *родник* в этом ряду считаются абсолютными синонимами; 2) другие сходные термины содержат семы, уточняющие особенности водных потоков, ср.: (*Гремяча*, *Гремяча На Мысах*, *Большая Гремяча*, *Малая Гремяча*, *Гремяча 1-я*, *Гремяча 2-я* <) *гремяча* ‘ключ с каменистым руслом; термин отражает особенности ключа, который гремит камешками в русле’ (Полякова 1988: 73-74); (*Каменка*, *Усть-Каменка*, *Малая Каменка* <) *каменка* ‘речка или ручей с каменистым руслом’ (СРНГ: XIII, 18); 3) случаи фиксации иных наименований водных потоков в ойконимах единичны и, следовательно, малоинформативны.

«Некоторые из гидронимов, в частности *родник* и *ключ*, толкуются в словарях и ис-

¹ *Песок* < *песок ‘низкий песчаный берег реки, заливаемый во время половодья’, ‘песчаная отмель на реке’ (Полякова 1988: 125-126); *Песьяна*, *Песьяны*, *Песьянка*, *Песьянки*, *Песьянский*, *Песьяный* < *песьяна, *песьянка ‘низкий песчаный берег, заливаемый во время половодья’, ‘участок с песчаной почвой’ (Полякова 1988: 126).

следованиях как абсолютные синонимы. Так, В.А.Никоновым они рассматриваются как синонимы, но употребление каждого из них ограничивается определенной территорией. В Пермской области В.А.Никонов подчеркивает явное преобладание слова *ключ*. В исследуемых же нами памятниках XVII в. [Чердыни и Соли Камской – М.Б.] картина иная: «...количественно здесь преобладает слово *родник*, но и *ключ* встречается довольно часто» (Полякова 1972 а: 393).

Обратимся к данным пермской ойконимии 1928 г.

Факты свидетельствуют о том, что более предпочтительна лексема *ключ* (соответствует выводам В.А.Никонова), причем это нашло отражение в ойконимах центральных и южных районов Пермского края – Пермского, Кунгурского, Сарапульского округов Уральской области: именно там распространены ойконимы, включающие слово *ключ* и его производные (*Галечный Ключ*, *Хутора По Реке Ключевой*, *Ключевляна*, *Ключева(-я) Гора*, *Ключевской*, *Ключи*, *Ключики* и т. д.). В Верхнекамском же округе (в северной части Пермского края) встречается только три таких названия: дважды *Ключи* (в Кизеловском и Ленвинском районах) и один раз *Ключики* (в Ныробском, ныне Чердынском, районе; это единственный случай употребления данного слова на севере области). Всего зафиксировано 115 населенных пунктов, названия которых включают лексему *ключ* и ее производные.

Значительно менее распространены названия с элементом *родник* (15 населенных пунктов): *Родник*, *Родники*, *Верхние Родники*, *Нижние Родники*, *Шубин-Родник*, *Над Родником*, *Зародники*, *Зароднический*. При этом 10 ойконимов зафиксировано в северных районах, 5 – в центральных, и этому явлению вполне соответствуют данные, полученные во время диалектологических экспедиций, проводимых студентами и преподавателями Пермского государственного университета.¹

Применение метода картографирования позволило со всей наглядностью заключить, что граница между территориями, где используется преимущественно та или иная лексема, условно соответствует бассейнам рек Обва и Чусовая. Таким образом, можно утверждать, что в русских говорах Пермского края лексемы *ключ* и *родник* не являлись абсолютными синонимами и были территориально закреплены.

Выявленные факты соответствуют данным, полученным из текстов XVII в. Так, свидетельства пермских памятников письменности позволили Е.Н.Поляковой предположить, что «некогда слово *родник* имело какой-то оттенок значения, не известный в современных

¹ Существенный перепад количественных показателей (117 различных наименований в центральных и южных районах, 13 в северных), возможно, объясняется тем, что в систему имен собственных попадают, как правило, лексемы, актуализирующие дифференциальный признак кого- или чего-либо. На севере же количество водных источников (родников, ручьев, речек, рек) чрезвычайно велико, так что при номинации поселения их наличие перестает выполнять выделительную функцию.

говорах, и не было абсолютным синонимом слова *ключ*... Не исключено, что использование этих синонимов зависит от их стилистических особенностей» (Полякова 1972 а: 393). Изучение географических терминов на материале современных пермских говоров продемонстрировало, что «современные южные и северные пермские говоры различны в отношении географической терминологии. Так, в южном, Осинском районе, употребляется исключительно слово *ключ*, тогда как на севере обычным является слово *родник*» (Там же). Исследователем подводится итог: «...слово *родник* могло быть диалектным и употреблялось на севере края; используемое же на юге слово *ключ* совпало с литературным» (Там же).

Можно предположить, что причины обнаруженного явления кроются в общерусской разновидности национального языка либо (что вероятнее) оказываются общими и для литературного языка, и для пермских диалектов. По нашему мнению, и в литературной форме языка было бы точнее считать данные лексемы очень близкими, но не абсолютно тождественными лексемами, понимая под словом *родник* ‘водный источник, текущий из глубины земли’, под словом *ключ* – ‘водный источник, бьющий из земли’ (словарями литературного языка данный факт указывается, но не акцентируется, ср. дефиниции в «Словаре русского языка» под ред. А.П.Евгеньевой).

Рассмотренный и подобный ему факты позволяют с высокой степенью вероятности утверждать, что среди выявленных ГТ фактически отсутствуют абсолютные синонимы.

4. ГТ в аспекте происхождения

Выявленные ГТ восходят к различным источникам.

Частично это древняя лексика, индоевропейского и праславянского происхождения, например: *Красный Берег* < *берег* < **berg*; *Болото*, *Сосновое Болото*, *У Болота*, *Гарь У Болота* < *болото* < **bolto*; *Большая Дорога* < *дорога* < **dorga*.

Некоторые термины, в том числе перенесенные на Урал, являются древнерусскими («географическое» значение развилось непосредственно у восточных славян): новгородское *нос* ‘мыс’ (Фасмер 1987: III, 84) (> *Канин Нос*), поморское *носок* ‘участок берега, вдающийся углом в реку, озеро’, ‘выступ, стрелка в месте схождения двух оврагов’, ‘вершина горы’, ‘вытянутая гора с крутыми склонами’ (Полякова 1988: 115) (> *Носки*). Древнерусского происхождения и слово *рамень* (> *Раменье*, *Раменский*, *Раменный*), имеющее значение ‘ельник’, ‘лес’ (Полякова 1991: 12, 48), ‘хвойный лес; густой, труднопроходимый лес; первоначально (по мнению Ю.В.Откупщикова) – пашня’ (Полякова 1988: 141), ср.: *рама* др.-рус. ‘граница, примыкающая к лесу’, *рамение* ‘лес по краю пашни, опушка леса’ (Фасмер 1987: III, 440).

Спорно происхождение термина *шоломень* (> *Шоломень*): *шолом*, *шоломень* ‘не-

большая гора округлой формы' < 1) др.-рус. *шолом* 'шлем', 2) *шелом* < прасл. *šelm (однокоренное с *холм*) (Полякова 1988: 166-167; Фасмер 1987: IV, 424).

В силу древности ГТ отражают некоторые архаические элементы. Так, в восточнославянской лексеме *коржавина*¹ (> *Коржавина*²) выделяется префикс ко-, ср.: *коржава*, *коржавина* новг., сев. 'топкое место, железистое болото', *коржавый* 'ржавый, грязный' (Фасмер 1987: II, 326), *коржава* новг. 'топкое болотистое место', *коржавина* смол. 'болотистое место в лесу с застоявшейся, тухлой водой' (СРНГ: XIV, 328) – и *ржавец* 'топкое болото с ржавой водой' (Полякова 1988: 144). В слове *хрящ* (> *Хрящевая*), которое является однокоренным с *хруст*, *хрустеть*, отмечаются древние чередования у//я, ст//щ: *хрящ* 'место, сплошь покрытое галькой, мелкими камнями', 'ключ в болотистом месте' (Полякова 1988: 163), 'крупный песок' (Панин 1991: 166), 'ключ в болотистом месте', 'гравий' (СПГ: II, 514), 'крупный песок с мелкими камнями' (Мурзаев 1984: 598). Отмечаются термины с древним префиксом су-: *Сугорка* < *сугорка, ср.: *сугор*, *сугорок* 'небольшой бугор, пригорок', 'холмик, бугорок' (Полякова 1988: 155; Даль 1997: IV, 353; Фасмер 1987: III, 793; Мурзаев 1984: 530; СПГ: II, 415); *Суплес* < *суплес, ср.: *плес*, *плесо* 'участок реки со спокойным течением между перекатами или изгибами русла', 'участок реки и примыкающего к нему берега', 'большая равнина, поросшая травой' (Полякова 1988: 127-128); *Сутяга*, *Большая Сутяга*, *Малая Сутяга* < *сутяга 'топкое, сырое место на лугу или в поле' (Полякова 1988: 13)³.

На древность некоторых реконструируемых лексем указывают ранние фиксации ойконимов. В частности, в писцовой книге Михаила Кайсарова 1623 г. упоминаются: поч. *Заполье* (Шишонко 1882: 154), ср.: *Заполье*, *Большое Заполье*, *Верхнее Заполье*, *Малое Заполье*, *Нижнее Заполье* < *заполье 'местность за полем по отношению к деревне' (Полякова 1988: 82), 'место, участок земли, расположенные за полями', 'сенокосная пустошь, находящаяся за полем', 'дальние полосы пахотной земли', 'поле, находящееся невдалеке от села, деревни' (СРНГ: X, 341); д. *Толстик* (Шишонко 1882: 238), ср.: *Толстик* < *толстик 'высокий берег или остров с таким берегом' (Полякова 1988: 10; Полякова 1991: 15, 47); и др.

Региональную специфику составляет наличие терминов иноязычного происхожде-

¹ Сходные образования, восходящие к *когъджавъжъ / *когъджавъ, отмечены лишь в русских диалектах и украинском языке (ЭССЯ: XI, 120-121).

² Возможно также происхождение ойконима от некалендарного имени либо прозвища Коржава 'кривоногий, горбатый' (Никонов 1980: 145).

³ Гипотеза Е.Н.Поляковой разработана с опорой на диалектное *сутужина* в указанном значении, предполагается чередование в корне у//я, г//ж. Версия подтверждается особенностями расположения данных населенных пунктов: «...чем ближе к Большой Сутяге, дорога идет по все более сырой и болотистой местности, а перед самой Большой Сутягой уже сплошное болото, в дождливое лето и осенью почти непроезжее. А Малая Сутяга... находилась вблизи огромного болота, подступавшего с двух сторон почти вплотную» (Веревкин Г. Географическая «ябеда» // Усольская газета. 24 октября 2001 г. С. 5).

ния, в их числе:

- прибалтийско-финские: *Лыва* < *лыва 'естественная яма, постоянно наполненная водой', 'яма в пойме реки, наполненная водой, оставшейся после половодья' (Полякова 1988: 105-106), 'зыбкое, топкое место в болоте', 'лужа после дождя', 'болото' (Фасмер 1987: II, 539; СПП: III, 42; Полякова 1991: 47; СРНГ: XVII, 216-217; СПГ: I, 494; Мурзаев 1984: 352);

- финские: *Холуи* < *холуй 'место наноса на реке веток, кустов, деревьев; завал на реке' (СПП: VI, 86; Востриков 1990: 63; Полякова 1988: 162; Полякова 1991: 154, 158);

- пермские (финно-угорская семья): *Шутемы, Шутьма* < *шутем, *шутьма 'заброшенное, заросшее травой и кустарником пахотное поле' (СПП: VI, 130; Фасмер 1987: IV, 492; СПГ: II, 564; Полякова 1988: 167; Полякова 1991: 48; Полякова 2005: 448);

- угорские (финно-угорская семья): *Урай, Малый Урай* < *урай 'речной залив, старица' (Востриков 1990: 62, 92; СРГСУ: VI, 131; Полякова 2005: 392) из мансийского языка;

- тюркские: *Елань-Куба* < *елань 'луг, поляна, просторная просека в лесу' (Фасмер 1987: II, 13), 'поляна в лесу' (Полякова 1988: 77), 'ровное, открытое пространство, прогалина' (СПГ: I, 246), 'ровное безлесное незаболоченное место', 'равнина, поросшая лесом' (Панин 1991: 40); *Тайга* < *тайга 'обширный густой хвойный лес' из монгольских языков (Полякова 1988: 156).

Характерно, что лексика древнего происхождения, так сказать, универсальна и обозначает самые общие, свойственные любой местности реалии. Лексика более позднего происхождения и заимствованная отражает особенности данной местности (холмистой, со множеством сырых низменностей, по большей части покрытой лесом, причем лесом определенной породы, и т.д.).

5. ГТ в аспекте фонетических особенностей

В силу того, что большинство выявленных слов восточнославянского происхождения, в исследуемых именах собственных отмечаются рефлексy соответствующих фонетических процессов: возникновение начального протетического согласного (*Вольхняк* < *ольха); явления ассимиляции (*Ложкомой* < *ложкомой) и диссимиляции (*Галешник* < *галешник 'место, покрытое галькой' < галечник) как следствие падения редуцированных; оканье (*Росольна* < *росол < *рас(с)ол 'болото с соленой водой', 'подземный источник с большим содержанием соли' (Полякова 1988: 141-142), 'сильно насыщенная солью природная вода' (Цомакион 1971: 421)); переход *a* в *e* в ударной позиции между мягкими согласными (*Креж, Крежевая* < *креж < кряж); выпадение губных и губно-зубных в интервокальной позиции (*Криулина* < *криулина 'излучина реки, поворот дороги', 'участок суши, огибаемый рекой' (Полякова 1988: 96-97) < кривулина, ср.: *баушка, деушка*); переход

е в и на месте старого *ять* (*Зарич* < *зарич ‘местность, расположенная за рекой по отношению к населенному пункту или его центру’ (Полякова 1988: 83-84)); утрата начального *в* в приставке *вз-* (*Згорок* < *згорок, ср. *взгорок*).

Частично отраженные фонетические процессы общерусские, однако по большей части – северно-русские, что служит косвенным свидетельством северно-русской природы пермских говоров.

6. ГТ в морфемном аспекте (с позиций современного русского языка)

Часть ГТ, обычно древнего происхождения либо заимствованные, являются непроизводными и представляют собой безаффиксные образования, например: *Бар* < *бар ‘болото’, возможно индоевропейское (Фасмер 1987: I, 122); *Бор*, *Верхний Бор*, *Выше-Бору*, *Дуброва Бор*, *Конеч Бор*, *Конец-Бор*, *На Бору*, *Нижний Бор* < прасл. *бор; *Грань* < *грань ‘просека в лесу’, ‘граница земельных участков’, ‘межевой или владельческий знак, высекаемый на дереве, столбе’ (Полякова 1988: 72-73; СРНГ: VII, 116; Сл XI-XVII: IV, 125; Сл XVIII: V, 223; Даль 1997: I, 390; СПП: I, 152; Мурзаев 1984: 157; СПГ: I, 185); *Корень* < *корень арх. ‘исток реки’ (СРНГ: XIV, 323); *Лопата* < *лопата ‘узкий, недлинный участок земли’, ‘участок земли, один конец которого расширяется’ (СРНГ: XVII, 132)¹; *Парма* < *парма ‘возвышенность, покрытая лесом’, ‘густой, труднопроходимый лес’, заимствовано из коми языка (Полякова 1988: 123; Фасмер 1987: III, 208; СРНГ: XXV, 229; Мурзаев 1984: 429; СПГ: II, 75); *Угол* < *угол ‘мыс между двумя сходящимися оврагами, логами’ (Полякова 1988: 158). Ср. также более поздние, производные от них лексемы: *Забор*, *Заборная*, *Подбор*, *Подборно*, *Коренный*.

Обычно термины являются производными и образованы различными способами (проиллюстрированы наиболее частотные модели):

- суффиксация: **-ец-** (*Кривец*, *Кривецкое* < *кривец киров. ‘изогнутая линия речного или озерного берега’ (СРНГ: XV, 242), ‘поселение, имеющее неправильную, изогнутую форму или расположенное вдоль изогнутого берега’), **-ин(а)** (*Криулина* < *криулина ‘излучина реки, поворот дороги’, ‘участок суши, огибаемый рекой’ (Полякова 1988: 96-97)²; *Поскотина* < *поскотина ‘огороженное место в лесу, на лугу для пастьбы скота’ (Полякова 1988: 133-134; Панин 1991: 119; СРНГ: XXX, 168-169)), **-их(а)** (*Отскочиха* < *отскочиха ‘окраина селения; изба, стоящая особняком, в отдалении от других домов селения’ (Даль 1997: II, 755)), **-к(а)** (*Выставка* < *выставка ‘отдельный двор или поселок, вынесенный за пределы основного поселения’ (Сл XI-XVII: III, 258); *Пахотки* < *пахотка ‘небольшой участок пахотной земли’), **-ник-** (*Галешник* < *галешник ‘покрытый гальками

¹ Лексема *лопата* – один из нечастых примеров метафорических географических терминов.

² Возможно также происхождение от прозвища Кривоуля (Криуля) ‘человек, слепой на один глаз’, ‘кривоногий или кривобокий человек’, ‘лукавый, криводушный человек’ и др. (СРНГ: XV, 250-251).

участок дна реки, пережат', 'участок берега, поля, покрытый гальками' (Полякова 1988: 69-70)), **-ок-** (*Борок* < *борок 'небольшой хвойный лес' (СПП: I, 50; Полякова 1972 б: 17; СПГ: I, 50; Мурзаев 1984: 94)), **-уш(а)** (*Мокруша* < *мокруша 'низкое сырое болотистое место' (Полякова 1988: 109-110)); **-ушк(а)** (*Горушка* < *горушка 'небольшая гора, холм'), **-ыш-** (*Круглыш* < *круглыш 'открытый, безлесный участок круглой формы'), **-яшк(а)** (*Кругляшка* < *кругляшка ср.-урал. 'лесная полянка' (СРНГ: XV, 302), 'открытый, безлесный участок круглой формы'); **нулевая суффиксация** (*Крутой Звоз* < *звоз 'дорога в гору от реки или перевоза' (Панин 1991: 50; СРНГ: XI, 220) < взвозить) и др.;

- префиксация: **за-** (*Зарека, Большая Зарека, Малая Зарека, Заречинский, Заречка, Зарич* < *зарека, *заречка, *зарич 'местность, расположенная за рекой по отношению к населенному пункту или его центру' (Полякова 1988: 83-84)), **пере-** (*Перебор, Переборная* < *перебор 'мелководный участок русла реки с быстрым течением; пережат', 'брод через реку' (Полякова 1988: 123-124; СПП: IV, 17; СПГ: II, 84; СРНГ: XXVI, 30; Мурзаев 1984: 432)), **под-** (*Осиновая Подсека* < *подсека 'расчищенное для пашни место среди леса' (Полякова 1988: 130-131; СПГ: II, 130; АС: IV, 71; Даль 1997: III, 209; Мурзаев 1984: 445)), **с-** (*Сгорки* < *сгорок 'возвышенность, холм, бугорок, пригорок', 'взгорок' (СПГ: II, 325; Полякова 1988: 148)), **у-** (*Угор, Тепленский Угор, Угоры* < *угор 'гора, холм', 'коренной крутой берег реки', 'склон горы, оврага' (Полякова 1988: 159; Фасмер 1987: IV, 146; СПП: VI, 48-49; Панин 1991: 160; СПГ: II, 466; Мурзаев 1984: 572)); и др.;

- конфиксация: **за-...-ј(е)** (*Загарье* < *загарье 'участок, на котором выгорел лес', 'местность за выгоревшим местом, болотом' (Полякова 1988: 79)), **под-...-ј(е)** (*Подувалье* < *подувалье 'долина между гор', 'место под увалом' (СРНГ: XXVIII, 226)); и др.;

- сложение: *Краснояр, Краснояр 1-й, Краснояр 2-й* < *краснояр 'яр-камешник – участок подмываемого крутого берега реки в лесах; единственное место, где тетеревиные птицы могут собирать песок и гравий в качестве жерновок, помогающих пищеварению' (СРНГ: XV, 187); *Лесосека № 1, Лесосека № 20, Лесосека № 42* < *лесосека 'место вырубленного леса' (Полякова 1988: 103); *Липогорки* < *липогорок (липогорка) 'возвышенность, поросшая липами'.

Наиболее частотны аффиксы *за-*, *-ин(а)*, *-ищ(е)*, *-к(а)*.

Некоторые аффиксы реализуются в определенных словообразовательных типах, служат образованию слов отдельных ЛСГ. Например, многочисленны термины с суффиксом *-ищ(е)*, обозначающим 'место, занятое чем-либо в прошлом или в настоящее время': *Городбище* < *городбище 'городище, в значении остатков древнего поселения' (СРНГ: VII, 57); *Городище, Верхнее Городище, Галкино-Городище, Нижнее Городище, Новое Городище, Старое Городище, Городищенский, Городищенские Хутора № 1, 2, 3, 4* <

*городище ‘высокая гора обычно на стрелке при впадении реки или оврага в другую реку, где некогда было древнее поселение’ (Полякова 1988: 72; Полякова 1991: 60; Сл XI-XVII: IV, 92; Сл XVIII: V, 177; Панин 1991: 31); *Паут-Дворище* < *дворище ‘участок земли с домом и дворовыми постройками, двор’ (Панин 1991: 34); *Займище* < *займище ‘земля, занятая кем-либо для использования’ (Фасмер 1987: II, 75; Панин 1991: 45; СРНГ: X, 106-107), ‘место, занятое под дом и хозяйственный двор за пределами населенного пункта, хутор, заимка (существовало в пермских говорах до XVIII в., с XVIII в. использовалось слово *заимка*)’, ‘участок, занятый для покоса’, ‘прибрежный луг, заливаемый (занимаемый) в половодье’ (Полякова 1988: 79-80; Полякова 1991: 91); *Лубнище* < *лубнище ‘место, где добывают луб’; *Мочище* < *мочище ‘большая яма с водой, в которой в прошлом вымачивали лен, коноплю, луб’, ‘сырое грязное место, иногда поросшее мхом или осокой’ (Полякова 1988: 110-111); *Плотбище*, *Сурнинское Плодбище* < *плотбище ‘место на берегу, где складывали и хранили лес (например, дрова для варниц)’ (Полякова 1991: 143)¹; *Репище* < *репище ‘поле из-под репы’ (Полякова 1991: 48), ‘поле, место в поле, засеваемое репой’ (СРНГ: XXXV, 69); *Селище*, *Новые Селища*, *Старые Селища*, *Селищенская*, *Селищная* < *селище ‘оставленное, заросшее место бывшего поселения’ (Полякова 1988: 148-149); *Важ-Сочище* < *сочище ‘место, где сочили, то есть подсекали кору и подрубали с целью высушить на корню, деревья’.

Частотны термины, обозначающие место, поросшее растениями одной породы, с суффиксом **-ник-** (*Березник*, *Березники*, *Большой Березник*, *Малый Березник*, *На Березниках*, *Березниковский*, *Заберезник* < *березник; *Вязники* < *вязник ‘место, поросшее ивой, черемухой’ (ср. *вяз*), а также ‘покрытый травой топкий участок на болоте’ (ср. *вязнуть*) (Полякова 1988: 69); *Ельник*, *Ельники*, *Никитин Ельник*, *Ельничный*, *Заельник*, *Заельничная* < *ельник; *Илемник* < *илемник ‘вязовая роща’; *Крапивник* < *крапивник; *Малинник*, *Малинники* < *малинник; *Орешник* < *орешник; *Осинник*, *Осинники*, *Гарь в Осинниках*, *Заосинник* < *осинник; *Рябинники* < *рябинник), **-няг-** (*Ивняги* < *ивняг ‘ивняк’; *Липняг* < *липняг ‘липовый лес, роща’; *Сосняг*, *Сосняги* < *сосняг² ‘сосняк’), **-няк-** (*Березняки* < *березняк; *Вольхняк* < *вольхняк ‘ольховник’³; *Сосняк* < *сосняк), а также **-арь-**, **-овк(а)**, **-овник-** (*Пихтарь*, *Пихтари*, *Пихтовка*, *Пихтовник*, *Пихтовниковский* < *пихтарь, *пихтовка, *пихтовник ‘участок, поросший пихтами, пихтовый лес’ (Полякова 1988: 127)), **-овик-** (*Кленовик* < *кленовик ‘кленовая роща’; *Осиновик*, *Верхний Осиновик*, *Нижний Осиновик* < *осиновик ‘осиновый лес, осинник’ (СРНГ: XXIV, 8); *Пихтовик* < *пихтовик ‘пихтовый лес’). Таким образом, можно говорить о синонимичных аффиксах

¹ Ср.: *плотбище* ‘место на берегу реки, где строят суда’ (Панин 1991: 106).

² Образовано с наложением морфем (корня и суффикса). Аналогично по структуре слово *сосняк*.

³ Ср.: *вольха* ‘ольха’, *вольховый* ‘олховый’ (СГРС: I, 168).

географических терминов.

Преобладание производных наименований над первообразными непосредственно коррелирует с тем фактом, что большинство ГТ редко называют тот или иной объект непосредственно, очень редко в качестве имени собственного используются родовые понятия типа *речка* (> *Речка*), *хутор* (> *Хутор*), *гора* (> *Гора*). Обычно выявленные в топонимии ГТ лишь уточняют, конкретизируют характеристики объекта (его состав, его функции, особенности расположения относительно других объектов и др.). Это естественно, поскольку основное назначение ойконимов не просто выделить поселение из ряда других, но вписать его в окружающую топографическую систему.

7. ГТ в аспекте мотивационных связей

Значительная часть производных ГТ мотивирована существительными (ср. на примере приведенных выше фактов, где *березник < береза, *заричь < река и т.п.).

Нередко ГТ мотивированы глаголами, ср.: *Забегаловка* < *забегаловка 'небольшая поляна, отделенная от поля, луга кустами, деревьями' (Полякова 1988: 78), связано с глаголом *забегать*; *Полом*, *Верх-Полом* (2-й), *Нижний Полом*, *Поломовка*, *Верх-Поломская Мельница*, *Нижне-Поломский*, *Поломы* < *полом 'валежник, бурелом' (СРНГ: XXIX, 109; СПГ: II, 155), 'место, на котором вырублен, выкорчеван лес' (СПП: IV, 100), 'место, расчищенное от леса', связано с глаголом *поломать* (Полякова 1988: 132). Ряд гипотетически восстанавливаемых ГТ образован на основе глагола *дуть*, вероятно в них подчеркивалось расположение поселений на возвышенных, ветреных местах, ср.: *Богодуй* < *богодуй, *Ветродуй* < *ветродуй.

В единичных случаях предполагается генетическая связь с прилагательными: *Плоско*, *Плоско-Парамонова* < *плоско 'небольшой земельный участок, луг' (СПГ: II, 106), вероятно, очень ровный, без возвышений и впадин, ср. прилагательное *плоский* (*плоской*).

8. ГТ в аспекте частеречной принадлежности

Фактически все ГТ составляют существительные: *Заосинник* < *осинник; *Кордон*, *Кордон-Казарма*, *Кордон № 1*, *Кордон № 2*, *Лесные Кордоны*, *Никонов-Кордон*, *Попков Кордон* < *кордон 'поляна в лесу, где находится или находился домик лесника' (Полякова 1988: 93), 'дом, стоящий в отдалении от населенного пункта, принадлежащий обычно леснику' (АС: II, 63), перм. (СРНГ: XIV, 313), 'заливной луг, отведенный под покос или пастбище' (СПГ: I, 416), 'граница, рубеж' (Мурзаев 1984: 290); *Подсколок* < *сколок 'небольшой участок леса между полями' (Полякова 1988: 150; СПГ: II, 344); *Слуда* < *слуда перм. 'крутой берег реки' (Фасмер 1987: III, 677), 'высокая, покрытая лесом гора с крутыми склонами', 'обрывистая глинистая или каменистая часть высокого берега' (Полякова 1988: 150-151; Полякова 1991: 47); и т.д.

Помимо существительных, обнаруживаются прилагательные, но они используются преимущественно в словосочетательных конструкциях: *Красная Гора, Красногорская, Красная Горка, Красные Горки* < *красная гора (горка); *Черный Яр, Черноярская Одина* < *черный яр 'обрывистый подмываемый берег с почвой темного цвета'.

9. ГТ в аспекте структуры

Абсолютное большинство зафиксированных ГТ являются однословными. На основе ряда ойконимов реконструируются также словосочетания: *Краснослудка, Краснослудское* < Красная Слудка 'название деревни по «красной слуде»' (Полякова 1972 б: 41) < *красная слуда 'высокая гора на берегу реки с глинистыми обрывами' (Полякова 1972 б: 41); *Красный Яр* < *красный яр 'обрывистый глинистый подмываемый берег' (Полякова 1972 б: 45); др.

10. ГТ в аспекте сферы употребления

Многие ГТ являются общерусскими, например: *делянка (Первая Делянка), косогор (Косогор, Малый Косогор, Косогоры), остров (Остров, Прорывенский Остров), поляна (Красная Поляна, Ясная Поляна), полянка (Полянки, Полянки № 1, Полянки № 2, Полянки № 3, Полянки № 4), пруд (Верх-Пруда, За Прудом), сосняк (Сосняк)* и т.п.

Значительно количество диалектных ГТ. К ним относятся, в частности, слова, заимствованные (главным образом из языка коми) на территории Прикамья и составляющие региональный компонент лексики (см. иллюстрации выше, в п. 4). Однако такие примеры немногочисленны в сравнении с собственно русскими терминами, ср. лексические и семантические диалектизмы: *Бакалда* < *бакалда 'небольшой залив озера в устье впадающей в него речки' (Полякова 1988: 50), 'небольшое озеро' (Панин 1991: 8); *Гремяча, Гремяча На Мысах, Большая Гремяча, Малая Гремяча, Гремяча 1-я, Гремяча 2-я, Гремеча, Гремечинский* < *гремяча 'ключ с каменистым руслом', 'поток воды с возвышенности' (Полякова 1988: 73-74; Полякова 1991: 15); *Забойка* < *забойка 'запруженный водоем, запруда' (СПГ: I, 269); *Напывная, Верх-Напывная* < *напыв 'место, куда наносит землю дождями', 'место наноса на берегу реки вымытых деревьев, кустов', 'место наноса песка, ила в реке', 'островок на реке, образовавшийся в результате наноса песка, гальки' (Полякова 1988: 113); *Нырок* < *нырок 'речка, ушедшая под землю' (Полякова 1988: 115); и т.д.

Отдельные ГТ отличаются от терминов литературного языка по категории рода (морфологические диалектизмы), ср.: *Перешейка* < *перешейка 'узкая полоса суши между двумя водоемами, перешеек' (СРНГ: XXVI, 276-277) и *перешеек* 'полоса суши, соединяющая два отделенных водным пространством материка или материк с полуостровом и т.п.' (СлРЯ: III, 108); *Запруд* < *запруд 'запруда', 'запруженный водоем', 'берег пруда' (СРНГ X: 360), 'плотина на реке', 'местность, расположенная за прудом по отношению к

центру поселения' (Полякова 1988: 83); и *Запруда* < *запруда 'берег пруда' (СРНГ: X, 361), 'плотина на реке' (Полякова 1988: 83).

Выявлены также словообразовательные диалектизмы, например: общерусское *березняк* и диалектное *березник*, общерусское *осинник* и диалектное *осиновик*, общерусское *сосняк* и диалектное *сосняг*.

Показательно, что родовые понятия с обобщающим значением включает в себе литературная лексика, видовые понятия – диалектная.

11. ГТ в аспекте частотности

ГТ отличаются по степени употребительности в пермских ойконимах. Часто употребление ГТ единично. Некоторые же используются часто, например: выявлено 11 ойконимов с элементом *чертеж* и его производными, около 50 населенных пунктов с компонентами *палица*, *паль*, *пальник*, *пальники*, более 130 поселений, названия которых включают термин *гарь* и его производные. Полагаем, в данном случае основным фактором являлась хозяйственная важность объектов, обозначаемых указанными лексемами: это термины подсечно-огневого земледелия. Ср.: *Гари*, *Верхние Гари*, *Иловские Гари*, *Казенные Гари*, *Оковы Гари*, *Гарь*, *Гладкая Гарь*, *Леменская Гарь*, *Тихая Гарь* и т.д. < *гарь 'выжженный участок, леса, предназначенный под пашню' (Сл XI-XVII: IV, 12), 'выкорчеванный участок в лесу' (Фасмер 1987: I, 395), 'выжженное место в лесу' (Полякова 1988: 48), *гари 'места в лесу, расчищенные для пахоты или сенокоса' (СПГ: I, 158; Мурзаев 1984: 140); *Новинка*, *Новинки*, *Верхние Новинки*, *Нижние Новинки*, *Средние Новинки* < *новинка 'место, расчищенное от деревьев и кустов под пашню или с другими хозяйственными целями' (Полякова 1988: 114); *Палицы*, *Паль*, *Малая Паль*, *Пальник*, *Верхний Пальник*, *Дальний Пальник*, *На Пальнике*, *Нижний Пальник*, *Новый Пальник*, *Пальники*, *В Пальниках* < *палица, *паль, *пальник, *пальники 'выгоревшее или выжженное место под пашню в лесу' (Полякова 1988: 122-123), 'место, где лес вырублен и сожжен под пашню' (СПГ: II, 73; Мурзаев 1984: 428); *Палы* < *пал 'подсека с сожженным лесом' (Сл XVIII: XIV, 131); *Сечище* < *сечище 'участок с вырубленными деревьями' (Полякова 1988: 18); *Чертеж*, *Чертежи*, *Чертежинский*, *Чертежинская Казарма*, *Чертежский* < *чертеж 'приготовленный для расчистки под пашню участок леса с подсеченными деревьями'; *Русская Шишмара*, *Татарская Шишмара* < *шишмара 'участок, расчищенный от деревьев и кустарника' (Полякова 1988: 166); и др.

Основываясь на исследованных в указанном аспекте данных, считаем, что употребительность ГТ предопределяется двумя основными факторами: 1) частотность обозначаемой термином реалии; 2) значимость ее в хозяйственной деятельности человека.

12. ГТ в аспекте активного / пассивного словарного запаса

Неоспоримо достоинство онимов как источника сведений в указанном аспекте: имена собственные способны сохраняться веками и тысячелетиями, отражая производящие лексемы, подчас уже ушедшую из активного употребления. И в настоящем случае удалось выявить ГТ, не зафиксированные ни в памятниках письменности, ни в живой речи, ни в словарях. Далее приведем несколько примеров.

ГТ *илемник* (> *Илемник*), очевидно, входит в словообразовательный тип наименований участков леса, поросших деревьями одной породы, и сопоставимо с лексемами *березник*, *ельник*, *осинник* и под. Сопоставление с данными справочников дает: *илем*, *илим*, *ильм* ‘вяз’ (Сл XI-XVII: VI, 224; Сл XVIII: IX, 76), *илим* ‘дерево вяз листоватый’ (СПГ: I, 357). Таким образом, *илемник* – это вязовая роща.

На основе ойконимов *Сочище*, *Важ-Сочище* восстанавливается лексема *сочище*. Вероятно, она входит в ряд мотивированных глаголами лексем на *-ищ(е)* со значением ‘место, которое как-либо использовалось ранее’ (см. выше: *городище*, *репище*, *мочище* и т.п.). Мотивирована глаголом *сочить* / *сочать* (ср.: *сочать* ‘добывать сок березы или сосны’ (СПГ: II, 379)). Это помогает установить семантику ГТ: ‘место в лесу, где добывали сок деревьев’. Однако есть также возможность сопоставить данную лексему с рядом терминов подсечно-огневого земледелия (ср. выше: *сечище*, *чертеж* и др.) и предположить наличие несколько иного значения: ‘место, где сочили, то есть подсекали кору и подрубили с целью высушить на корню, деревья’. Тогда устаревание слова легко объяснить переходом на другой тип земледелия.

Аналогичные действия позволяют выявить также ГТ: *чистогор* ‘безлесная возвышенность’ (> *Чистогор*, *Нижний Чистогор*), *малыш* ‘небольшое по размерам хозяйственное угодье’ (> *Малыш*), *пахотка* ‘небольшой участок пахотной земли’ (> *Пахотки*) и ряд других.

Подведем итоги

1. Велико число ГТ, нашедших отражение в ойконимии Пермского края (около 15 % от всего числа названий поселений, ≈ 1 500).

2. Это количество определено рядом причин: а) источник ГТ (ойконимы) уже имеет пространственную привязку, что и отражается в производящих основах, б) терминология отличается большой детализированностью, в) особенно тщательно проработаны группы лексики, которая называет объекты, значимые в хозяйственной деятельности человека, г) различно происхождение ГТ, д) разнообразны их источники.

3. Формированию тематической группы служат не только лексические, но и словообразовательные, морфологические, семантические средства.

4. Терминология детально описывает жизненное пространство, для чего привлекает-

ся, в частности, большое количество синонимичных понятий, среди которых, однако, фактически отсутствуют абсолютно тождественные.

5. Местный ландшафт описан номинаторами преимущественно посредством местных (диалектных) языковых средств. Часть лексем сохранилась только в топонимах.

Литература

Березович, Е.Л. 2000. «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте». Екатеринбург.

Востриков, О.В. 1990. «Финно-угорский субстрат в русском языке». Свердловск.

Даль, В.И. 1997. «Толковый словарь живого великорусского языка». В 4-х т. Москва.

Матвеев, А.К. (ред.). 2001-2002. «Словарь говоров Русского Севера». Тт. 1, 2. Екатеринбург. (СГРС).

Мурзаев, Э.М. 1984. «Словарь народных географических терминов». Москва.

Панин, Л.Г. (сост.). 1991. «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.». Новосибирск.

Полякова, Е.Н. 1972 а. «К изучению лексики пермских памятников XVII в. (на материале географических терминов)». В: «Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии»: *Материалы IX зон. конф. каф. рус. яз. вузов Урала*. 390-394. Пермь.

Полякова, Е.Н. 1972 б. «Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII в.». Пермь.

Полякова, Е.Н. 1988. «От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области». Пермь.

Полякова, Е.Н. 1991. «Память языка: Рассказы о лексике пермских памятников письменности и говоров». Пермь.

Полякова, Е.Н. (сост.). 1993-2001. «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века». В 6-и вып. Пермь. (СПП).

Полякова, Е.Н. 2005. «Словарь пермских фамилий». Пермь.

«Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)». 1984-2003. Тт. 1-5. Пермь. (АС).

«Словарь пермских говоров». 2000-2002. В 2-х вып. Пермь. (СПГ).

«Словарь русских говоров Среднего Урала». 1971. Свердловск. (СРГСУ).

«Словарь русских народных говоров». 1965-2005. Вып. 1-39. Ленинград; Санкт-Петербург. (СРНГ).

«Словарь русского языка». 1981-1984. В 4-х т. Москва. (СЛРЯ).

«Словарь русского языка XI-XVII вв.». 1975-2000. Вып. 1-25. Москва. (Сл XI-XVII).

«Словарь русского языка XVIII века». 1984-2002. Вып. 1-12. Ленинград; Санкт-Петербург. (Сл XVIII).

Фасмер, М. «Этимологический словарь русского языка». 1987. В 4-х т. Москва.

Цомакион, Н.А. (автор и сост.). 1971. «Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв.». Красноярск.

Шишонко, В. 1882. «Пермская летопись с 1263 – 1881 г. Второй период с 1613 – 1645 гг.». Пермь.

«Этимологический словарь славянских языков». 1974-2002. Вып. 1-29. Москва. (ЭССЯ).

Summary

В статье рассматриваются географические термины (ГТ), выявленные в ойконимии (совокупности названий населенных пунктов) Пермского края.

Особенность имен собственных заключается в том, что в них отражаются и лингвистические, и экстралингвистические явления, что они вписаны не только в языковую, но и в социальную, топографическую системы, в целом – в пространственно-временной континуум; это часть «языковой картины мира». И в настоящем случае ойконимы выступают не просто как хранители терминологии (прежде всего, народной), но и как зеркало процессов освоения мира человеком (здесь: жителями Пермского края), в частности – пространства.

ГТ проанализированы, прежде всего, как языковые явления (в соответствии с теми или иными подсистемами структуры языка): в аспекте лексическом, семантическом, фонетическом, морфемном, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Помимо этого, затрагиваются те аспекты, которые в значительной степени обеспечивают специфику исследуемых ГТ: их этимология, сфера употребления, частотность, активность / пассивность в речи.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим (основным) выводам.

1. Велико число ГТ, нашедших отражение в ойконимии Пермского края (около 15 %

от всего числа названий поселений, $\approx 1\ 500$ наименований).

2. Это количество определено рядом причин: а) источник ГТ (ойконимы) уже имеет пространственную привязку, что и отражается в производящих основах, б) терминология отличается большой детализированностью, в) особенно тщательно проработаны группы лексики, которая называет объекты, значимые в хозяйственной деятельности человека, г) различно происхождение ГТ, д) разнообразны их источники.

3. Формированию тематической группы служат не только лексические, но и словообразовательные, морфологические, семантические средства.

4. Терминология детально описывает жизненное пространство, для чего привлекается, в частности, большое количество синонимичных понятий, среди которых, однако, фактически отсутствуют абсолютно тождественные.

5. Местный ландшафт описан имядателями преимущественно посредством местных (диалектных) языковых средств. Часть лексем сохранилась только в топонимах.

Богатство лексики исследованной тематической группы обусловило опору на широкий иллюстративный материал. Используемая в качестве примеров лексика и выводы (промежуточные и общие) могут привлечь тех, кто интересуется вопросами лингвистического краеведения, диалектологии, исторической лексикологии, ономастики.

Статья рассматривается автором как предваряющая ряд исследований, которые позволили бы расширить и углубить результаты работы в свете современных научных тенденций (в частности, страноведения, когнитивной лингвистики и др.).